

АЛЕНА БЛИХОВА

УДК 81'255.2

ББК Ш307

РОЛЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Аннотация: В статье рассматривается проблема перевода эмоциональной информации на родственные славянские языки. Анализируется перевод художественного текста с русского на словацкий и русинский языки. Доказывается, что культурная коннотация, которая является результатом корреляции многих факторов и которая сформировалась в конкретной географической, социокультурной и языковой среде каждого конкретного народа, имеет очень важную роль в процессе перевода. Языковые картины мира отдельных языков могут не совпадать, поэтому важно учитывать данные культурные коннотации, иначе в тексте перевода мы можем получить противоположную эмоциональную информацию в сравнении с текстом оригинала.

Ключевые слова: перевод, эмоциональная информация, культурная информация, языковая картина мира, текст оригинала, текст перевода

Что такое перевод? Перевод – это процесс, но одновременно это и результат процесса коммуникации между двумя или несколькими языками и культурами [Фёдоров 2002: 13]. Перевод – это не только замена языковых средств языка оригинала языковыми средствами языка перевода, перевод включает в себя и перенос эмоциональной информации, которая, на наш взгляд, является самой важной при переводе художественной литературы. В тексте оригинала мы обычно сталкиваемся с двумя видами эмоциональной информации. Первая – не включает в себя культурную информацию, она исходит из сюжетной ситуации, используется автором для создания атмосферы художественного мира произведения. Вторая – исходит из культурного фона и содержит языковую картину мира носителей языка.

Именно эмоциональная информация, исходящая из культурного фона, чаще всего вызывает трудности в процессе перевода. Поэтому частью процесса перевода должен быть не только подбор подходящих по смыслу слов другого языка, но и связь этих слов с культурной действительностью, в которой эти слова существуют [Engel, Lewicki 2005:

27]. Это значит, что перевод должен осуществляться как на уровне языка, так и на уровне культуры, так как текст перевода посредством переводчика выходит из одного культурного пространства (культурного и языкового мира) и входит в другое культурное пространство (в другой культурный и языковой мир). По этой причине переводчик должен владеть не только языком и культурой, но и определёнными фоновыми знаниями в рамках переводящих языков, которые содержат прежде всего эмоциональную информацию. А именно передача эмоциональной информации, это то, что очень важно при переводе художественного текста. Например, при переводе художественного текста на разные славянские языки мы можем получить совершенно разное эмоциональное ощущение, так как языковая картина мира каждого переводящего языка своеобразна и неповторима.

В нашей статье мы решили проанализировать языковой образ *равнины* на материале перевода произведения М.Е. Салтыкова-Щедрина «Христовая ночь» на словацкий и русинский языки. Таким образом, мы попытаемся сравнить языковые картины мира трёх славянских языков и показать разную эмоциональную окраску избранного образа в отдельных языковых картинах мира.

Русский и русинский – восточнославянские языки, а словацкий язык – западнославянский язык. Но при этом русинский язык, как язык перевода – это язык национального меньшинства в Словакии, который исторически существует в рамках словацкого языкового пространства. Русский язык – язык оригинала, словацкий и русинский – языки перевода.

М.Е. Салтыков-Щедрин начинает сказку «Христовая ночь» с очень эмоционального описания природы. Читателю он предлагает детальные изображения, которые содержат атмосферу только что проснувшейся весны в русской деревне. Язык произведения – немного архаичен, вполне соответствует деревенской среде. Частые описания природы и бытовой среды, а также религиозный характер произведения создали основную картину и эмоциональную базу, которой дальше подчинился выбор языковых средств в тексте оригинала и в текстах перевода. На уровне языка перевод не представлял особых затруднений, поскольку используемые автором лексические средства имеют в языках перевода достаточно богатый фонд адекватных эквивалентов для переноса семантической информации, которую автор вложил в текст оригинала. Языки перевода обладают довольно богатым словарным запасом для описания природы, местности и жизни в деревенской среде, а также для религиозной сферы, что исходит из естественной культурной среды, в которой эта лексика формировалась. Благодаря

этому перевод когнитивной и эстетической информации осуществился в языках перевода довольно удачно. Но что касается эмоциональной информации, то она в процессе перевода на русинский язык получила противоположную коннотацию. В переводе на словацкий язык положительная эмоциональная коннотация стала нейтральной.

Сказка *Христовая ночь* насыщена эмоциями и является скорее совокупностью образов и чувств, содержание текста оригинала построено на библейских мотивах и имеет форму проповеди. Но в данном исследовании мы не будем уделять внимание религиозным мотивам произведения, хотя они являются основными и им подчиняется выбор языковых средств. В нашем анализе мы сосредоточимся на описании природы и на понимании концепта *равнины* в языковой картине мира трёх славянских языков, а именно – в компаративном плане русского, словацкого и русинского языков.

Лексическая единица *равнина* представляет единицу основного словарного запаса. Это лексическая универсалия, которая находится в составе всех сравнимых языков.

- семантический компонент слова, его денотативное значение опирается на объективную действительность – географический аспект, который присутствует во всех сравнимых языках в значении:

- а) ландшафт, ровная земная поверхность без высоких холмов,

- б) ровная поверхность ср. Krátky slovník slovenského jazyka.

- образный компонент слова содержит представление географического пространства, ровной поверхности. Этот аспект коннотации слова тоже находится во всех сравнимых языках и культурах.

- эмоционально-оценочный компонент слова связан с ассоциациями и фоновыми знаниями, а также с народными представлениями и стереотипами, которые формировались в конкретных географических и исторических условиях, в естественной культурной среде каждого народа, и таким образом эти представления и эмоциональные коннотации становились частью языковой картины мира каждого отдельного языка.

Конкретная реальность каждой этнокультуры оставила отпечаток эмоциональности в коннотативном значении слова, которое получает в сравнимых языковых картинах мира разную эмоциональную оценку.

Для сравнения мы приводим отрывок из текста оригинала и текстов перевода:

«Равнина ещё цепенеет, но среди глубокого безмолвия ночи под снежною пеленою уже слышится говор пробуждающихся ручьев. В оврагах и ложбинах этот говор принимает размеры глухого гула и предостерегает путника, что дорога в этом месте изрыта зазорами. Но лес ещё молчит, придавленный инеем, словно сказочный богатырь железною шапкою. Тёмное небо сплошь усыпано звёздами, льющими на землю холодный и трепещущий свет... Но вот в одном конце равнины раздалось гудение полночного колокола; навстречу ему, с противоположного конца, понеслось другое, за ним – третье, четвертое. На тёмном фоне ночи вырезались горящие шпили церквей, и окрестность вдруг ожила. По дороге потянулись вереницы деревенского люда» [Салтыков-Щедрин 2010]

На словацкий язык было это произведение переведено в 1955 году М. Такачовой.

«Rovina je ešte stuhnutá, ale v hlbokoj mlkvote noci pod snehovým rúchom už bolo počuť žblnkot prebúdajúcich sa potôčkov. V hlbokých jarkoch a úžľabinách sa tento žblnkot mení na tlmený hukot a vystríha pocestného, že na tomto mieste je cesta samá jama. Ale hora ešte mlčí, zaťažená inovaťou ako rozprávkový bohatier železnou prilbou. Temné nebo je husto posypané hviezdami, ktoré lejú na zem studené a mihotavé svetlo... A zrazu sa na jednom konci roviny ozval hlas polnočného zvona; jemu v ústrety z opačného konca sa ozval druhý, za ním tretí, štvrtý. Z tmavého úzadia noci sa vystúpili ligotavé hroty kostolných veží a okolie odrazu ožilo. Cestou tiahli prúdy dedinčanov» [Saltykov-Ščedrin 1955:19].

Наш перерод на русинский язык из 2008 года. Перевод был предназначен для литературной передачи по радио:

«Рівнина є іщі скочаніта, но серед глубокой ночной тихоты, закрыты білыма пеленами уж бісідують пробуджаючіся потічки. В ледяных ямах і ярушках тота бісіда переходить до глухого гучаня і напаминать подорожнєго, же дорога є в тых місцях розбита. Але ліс іщі мовчіть, притиснутый під морозовов осугов як приповідковий богатырь під желізнов чапков. Темне небо є начісто обсыпане звіздами, котры ліють на землю холодне і трепетаве сітло... А смоть, на єднім кінці рівнины, ся нараз озвав голос півночного звона; навстрічу ся му з опачного кінце наголосів другый, за ним третій, четвертый. З чорноты ночі ся підняли блискавы куполы церьковок, а ціла околіця нараз ожыла. По стежці ся розбігли шоры валалского народу».

Автор посредством описания широкой русской равнины создает атмосферу наступающего праздника Пасхи, атмосферу проснувшейся весны. Концепт *равнины* в русском культурном контексте, исходя из географических условий, содержит в себе образы поля, широкой степи или широкого пространства, что вызывает у носителей русского языка и культуры положительные ассоциации. Широкое пространство равнины в русской культуре и народных стереотипах тесно связано с волей и свободой, что в языке прекрасно видно в устойчивом словосочетании «*широкая русская душа*». Положительные коннотации концепта равнина в русской культуре мы наблюдаем и в русском фольклоре и в литературе. В русской литературе находим прекрасное описание равнины в стихах С. А. Есенина:

*«Стою один среди равнины голой,
А журавлей относит ветром в даль,
Я полон дум о юности весёлой,
Но ничего в прошедшем мне не жаль»*

[Есенин 2006]

Поэт описывает равнину как место воли и свободы, которое связано с живыми воспоминаниями «о юности весёлой». В русской языковой картине мира, таким образом, концепт равнины ассоциируется не только с волей и свободой, но и с любовью и домом, что придаёт этому концепту положительную эмоциональную оценку. Одинаковые коннотации этого концепта мы находим, например, в популярной русской песне «Конь» (А. Шаганов – И. Матвиенко):

*...Сяду я верхом на коня,
Ты носи по полю меня.
По бескрайнему полю моему.
По бескрайнему полю моему.*

*Полюшко моё родники,
Дальних деревень огоньки.
Золотая рожь, да кудрявый лён,
Я влюблён в тебя Россия, влюблён.*

Равнина – «бескрайнее поле» – содержит в себе положительные эмоции связанные с родиной, с родной землёй и домом. Этот образ равнины является отражением естественной среды, в которой формировалось видение мира, а также языковая картина мира носителей русского языка и культуры.

В русинской языковой картине мира концепт равнина содержит противоположные коннотации. Равнина – в представлении носителей русинского языка и культуры – это что-то чужое, равнина связана с беспокойством, тревогой, переживанием и мукой. Это видение мира мы находим и в современной русинской литературе, например, в стихах современного поэта Ю. Харитуну:

*«Рівнина як на столі
на різанкы тісто
Без потічків
лісів
бережка
Велика біда
Трапліня
Терпіня
Стромы без коріня...»*

[Харитун 2010:45]

Перевод на русский язык:

*Равнина как на столе
На лапу тесто
Без ручья
Лесов
Холмов
Великая беда
Горе
Переживания
Без корней деревья...*

Равнина в стихах русинского поэта Ю. Харитуну содержит в себе очень сильную отрицательную эмоцию. Равнина без гор и холмов – это символ тревоги и переживаний, это место, где невозможно пускать корни и жить. В языковой картине мира, а также в народных стереотипах русинов, равнина несёт очень сильную отрицательную эмоцию, поскольку русины – горный народ и равнина для них чуждое пространство. Именно поэтому не равнина, а горы в сознании носителей языка связаны с образом родины, дома и спокойствия. Образ гор как образ дома очень часто находим и в русинском фольклоре, например, в народной песне «Карпаты»:

*Карпаты, Карпаты, Горы, долина
Стоїть хыжочка на боку схылена,
А у тій хыжі старенька мати*

Про свого сына не може спати.

*Ой сыну мій сыну де ты ся поділ,
Ці ты забываєш стежки, што єсь ходил,
Ці ты забываєш де горы, лісы,
Де наше поле, де нянько косил...*

Для русинов не равнина, а горы представляют естественную среду, в которой формировалась их языковая картина мира, поэтому в сознании носителей русинского языка и культуры концепт гор имеет положительную коннотацию, а концепт равнины отрицательную.

В словацкой языковой картине мира концепт равнины содержит нейтральные коннотации. Это связано с разнообразным географическим рельефом Словакии, в котором на малом пространстве находятся и высокие горы, и урожайные равнины, и это пространство формировало эмоциональную окраску обоих концептов как нейтральную, или положительную. Это можно наблюдать в стихах словацкого поэта второй половины 19 века С. Халупки:

*«Zleteli orly z Tatry, tiahnu na podolia,
ponad vysoké hory, ponad rovné polia;
preleteli cez Dunaj, cez tú šíru vodu,
sadli tam za pomedzím slovenského rodu»*
[Chalúpka 2007]

Перевод на русский язык:

*Взлетели орлы из Татры, летят на поляны,
Над высокими горами, над ровными полями
Пролетели за Дунай, где широкая вода,
Сели на границе словацкого рода.*

В словацкой языковой картине мира концепты гор и равнины становятся равноценными и содержат в большинстве нейтральную эмоциональную оценку. А в словацкой народной песне образы гор и равнины получают, например, положительную коннотацию.

*Vršok, dolina, pekná rovina.
Tie slovenské dievčence sú ako malina...*

На русском языке:

*Холмы, долина, прекрасная равнина.
Словацкие девушки красивые как малина.*

В переводе сказки М.Е. Салтыкова-Щедрина мы столкнулись с проблемой перенесения той эмоциональной атмосферы, которую вложил в текст оригинала автор. Проблема у нас возникла при переводе на русинский язык. На лексическом уровне получился вполне эквивалентный и адекватный перевод, но в текст перевода не удалось перенести положительную эмоциональную информацию, которая в тексте оригинала символизировала надежду новой жизни. Вместо того сильные отрицательные коннотации концепта равнины в русинской этнокультуре ещё усилили атмосферу и ассоциации холода и предчувствия страшного суда, что соответствовало основному мотиву произведения, но в процессе перевода потерялся символ надежды.

В словацком переводе переводчику удалось сохранить ту эмоциональную окраску, которую вложил автор в текст оригинала благодаря нейтральному образу равнины в словацкой языковой картине мира.

В процессе нашего анализа мы пришли к заключению, что несмотря на адекватный перевод и использование в контексте произведения эквивалентных лексических единиц, в тексте перевода мы можем получить эмоциональную иную окраску, не совпадающую с замыслом автора, являющуюся не результатом процесса перевода, а результатом отличающейся языковой картины мира языка перевода. А языковая картина мира является результатом культурно-исторического развития народа в конкретном географическом пространстве, что в конце повлияло на формирование специфической картины мира и уникальной концептосферы в сознании каждого конкретного народа и культуры.

ЛИТЕРАТУРА

Быстрова, Е.А., Окунева, А.П., Шанский, Н.М. Фразеологический словарь русского языка. М: 2000. с. 413.

Vilikovský, J. Preklad ako tvorba. Bratislava: 1984. s. 240.

Dobrucký, V. Veľký spevník najznámejších ľudových piesní. Matica slovenská, 2012. s. 206.

Engel, Ch. Lewicki, R. Konpcpcje interkulturowości. In: Interkulturalität slawistische fallstudien. / Red.: Engel Ch., Lewicki R., Innsbruck: 2005. s. 21-35.

Есенин, С.А. Стихотворения 1916-1925, Собрание стихотворений. [2006] URL: http://az.lib.ru/e/esenin_s_a/text_0440.shtml

Kačala, J. Krátky slovník slovenského jazyka. / Ed. Pisarčíková, M. Bratislava: SAV Veda, 2003. s.988.

Салтыков-Щедрин, М.Е. Христова ночь. [2010] URL:
http://www.rus-skazki.com/skazka_17.html

Saltykov-Ščedrin, M.J. Bájky. Bratislava: Slovenské vydavateľstvo krásnej literatúry, 1955. s. 317.

Фёдоров, А.В. Основы общей теории перевода. СПб: СПбГУ, 2002. с. 414.

Chalúpka, S. Mor ho! [2007] URL:
http://zlatyfond.sme.sk/dielo/83/Chalupka_Mor-ho/1#ixzz3bdZX5nYo.

Харитун, Ю. Мої жалї. Пряшів, 2010. с. 178.